ЯЗЫК СМИ

Брусенская Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия; e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ[1]

Зооморфизмы в политическом медиадискурсе подтверждают мысль, что метафора не просто элокутивное средство, – это способ мышления, осмысления общественной жизни, а также способ передачи субъективного отношения к предмету речи. Категоризация и концептуализация политического фрагмента картины мира реализуются за счет метафорического осмысления анимализмов, что влияет и на формирование коннотативной части соответствующего медиадискурса: зооморфные единицы являются незаменимым конструктивным элементом в системе аксиологических средств. В статье на материале медийных текстов 2022 г. показаны возможности сопряжения метафорической пейоративности с принципами толерантной коммуникации, что можно определить как начало нового этапа стабилизации зооморфного кода русской лингвокультуры.

Ключевые слова: *анимализмы, метафора, зооморфизм, политический дискурс, язык СМИ, толерантность, политкорректность.*

Liudmila A. Brusenskaya, Doctor of Philology, Professor at the Chair of the Russian Language and Speech Culture, Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Ella G. Kulikova, Doctor of Philology, Professor at the Chair of Mass Communications, Russian University of People's Friendship (RUDN University), Moscow, Russia; e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ANIMALISTIC METAPHOR IN THE MODERN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

The purpose of this article is to analyze the dynamics of zoomorphic metaphors in the political media discourse, for which the origins of the metaphorical imagery of animalisms are investigated and the reasons for the predominance of metaphors with varying degrees of invectivity are identified. Zoomorphisms in the political

media discourse confirm the idea that a metaphor is not just an eloquent means; it is a way of thinking, comprehending social life, as well as a way of expressing a subjective attitude to the speech object. Categorization and conceptualization of the political fragment of the world picture are realized through metaphorical comprehension of animalisms, which also affects the formation of the connotative part of the media discourse: zoomorphic units are an indispensable constituent part in the system of axiological tools. On the material of media texts of 2022, the authors tried to present the possibilities of combining metaphorical pejorativeness with the principles of tolerant communication, which can be defined as the beginning of a new stage of stabilization of the zoomorphic code in Russian linguoculture. Based on the ideas of the conceptual essence of a metaphor, the authors make a cognitive-discursive and distributive analysis of animalistic metaphors used in modern media. To particularly clarify the specifics of a modern zoomorphic metaphor, the authors applied elements of a diachronic approach: a comparison with zoomorphisms characteristic of other historical periods.

***Key words**: animalisms, metaphor, zoomorphism, political discourse, media language, tolerance, political correctness.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.87108

Введение

Принимая широкое толкование феномена политического дискурса, предлагаем рассматривать в его составе все единицы, семантика которых эксплицитно или имплицитно соотносится с политической сферой. Политический медиадискурс – важнейший сегмент современной коммуникации, формирующий и транслирующий широкой аудитории представления о значимых в социальном плане международных и национальных событиях.

Эти представления конструируются в том числе с помощью метафор, которые отражают специфику мировидения в определенный исторический период. При этом когнитивная основа актуальных метафор постоянно обновляется и реконструируется. В языковую культуру прочно вошли анималистические метафоры, в которых аккумулированы важнейшие представления о ценностной картине мира.

Политический медиатекст в высшей степени аксиологичен: политическая картина мира представлена в нем с помощью рациональных и эмоциональных оценок. Зоометафора оказывается здесь востребованной как средство формирования базовой оппозиции политического дискурса «свои–чужие», причем зооморфизмы соответствуют тенденции к языковой экономии за счет

дополнительной образности языкового знака во вторичном значении.

Анималистическим метафорам, за которыми закрепилось наименование «зооморфизмы», их когнитивно-дискурсивным особенностям и национальной специфике посвящено значительное количество исследований, где на первый план выходят различные аспекты: сопоставительный (Семина, 2008; Солнцева, 2004; Устуньер, 2004), лингвокультурологический (Карпенко, 2006; Храмова, 2015; Линь Сюе, 2018), собственно аксиологический (Ильминская, Степаненко, 2019; Маслов, 2014; Agafonova, Belozerova, Larini, 2020; Mujagić, Berberović, 2019), а в последнее время значимым становится лингвоюридический аспект (Маджуга, 2019; Поваляева, 2010 и др.).

Методология и методика

В настоящей статье акцент делается на особенностях зооморфных образов в текстах медиа 2022 г. в традиционном и электронном формате («Завтра», «Комсомольская правда»), поскольку эти издания на протяжении достаточно длительного времени уделяют значительное внимание политической аналитике, авторы, публикующиеся в них, регулярно обращаются к зооморфному коду русской лингвокультуры. Выбор медиа, освещающих современные политические процессы, обусловлен различиями в их оценке политической и геополитической реальности, что позволяет установить специфику моделирования современной анималистической метафоры.

С опорой на идеи концептуальной сущности метафоры в статье осуществлен когнитивно-дискурсивный и дистрибутивный анализ метафор-анимализмов, используемых в современных медиа. Для уточнения специфики именно современной зооморфной метафоры применены элементы диахронического подхода – сравнение с зооморфизмами, характерными для иных исторических периодов.

Перенос наименования животного на человека – языковая универсалия и магистральный путь развития именной семантики. Хорошо известно, что многие ассоциативные стереотипы зооморфных образов, с их положительными и отрицательными коннотациями, сложились еще в глубокой древности и, при известных различиях, оказываются сходными во многих языках и культурах. Вспомним «песью» инвективу в «Илиаде» (Решетникова, 2014);

многочисленные латинские паремии с анимализмами типа: *asĭnus ad lyram* – осел у лиры (о глупце, занимающем не свое место); *ex aurĭbus (cognoscĭtur) asĭnum* – по ушам (узнают) осла (глупца видно по действиям); *ex ungue leonem, ex aurĭbus asĭnum* – по когтям (узнают) льва, по ушам – осла; *domi leones, foris vulpes* – дома львы, а в людях (вне дома) лисицы; *in pace leones, in proelio cervi* – во время мира львы, в сражении олени (ср. рус.: Молодец среди овец, а на молодца и сам овца); *aquĭla non captat muscas* – орел не ловит мух (человек умный, крупного масштаба не занимается пустяками) (см. подробнее: Лазарева, 2012: 135–138).

Зооморфные образы традиционны для политических метафор: еще в XVII в. протопоп Аввакум называл своих противников «собаками». Фактически развернутой политической метафорой является басня И. А. Крылова «Волк на псарне»[2], поскольку имеются в виду конкретные исторические события (исход наполеоновских войн) и конкретный персонаж (Наполеон).

В основе формирования зооморфизмов лежит тенденция наделять животных человечески значимыми качествами, причем понимание символического значения животного, и в том числе его инвективного потенциала, основано на более или менее устойчивом характере взаимоотношений человека с конкретным животным видом, что закреплено в определенной – если и не отчетливо проговариваемой, то интуитивно ощущаемой – позиции животного по отношению к системе модусов поведения в человеческом обществе (Решетникова, 2014).

Политический дискурс характеризуется использованием широкого спектра коммуникативных моделей, опирающихся на стратегии и тактики, которые ориентированы на перлокутивный эффект. К числу средств, способных максимально воздействовать на реципиента, относится метафорическая модель на основе анималистических образов. Как утверждается в работе О. И. Агафоновой (2012), концептуализация политики в целом опирается на регулярно избираемую модель метафоризации (*Politics is animal world*), ибо образ жестокого животного мира (стремление к выживанию любой ценой, иерархические отношения, жестокая конкуренция и т. д.) оказывается хорошей базой для метафоризации. Так, в работе (Mujagić, Berberović, 2019), описывающей пик европейского миграционного кризиса и его отражение в медиа, отмечается, что с помощью зооморфного кода осуществляется дегуманизация иммигрантов (метафора «иммигранты – это животные»,

сравнение с червями). Как справедливо сказано в статье (Agafonova, Belozerova, Larini, 2020), метафорическое мышление является эффективным инструментом влияния на общественное мнение, а значит, метафоры «иммигранты – черви, тараканы, саранча», активно циркулирующие в англоязычных медиа, сводят на нет сочувствие к мигрантам. Этой же цели служит наделение иммигрантов поведенческими характеристиками животных (например, когда речь идет о манере распространения, передвижения: *flock* (стая, стадо, слететься), *swarm* (рой), *herd* (стадо, табун), *horde* (рой, стая, полчище, орда) и т. д.

Существует непосредственная связь между политической ситуацией и способами ее репрезентации с помощью зоометафоры. В русском языке зооморфная политическая метафора с инвективным содержанием «расцвела» в первые годы после Октябрьской революции, что прекрасно видно по текстам (иногда – визуализированным в окнах РОСТА) В. Маяковского:

Деникина день
сосчитан.
Красная армия –
Красный еж –
Верная
наша
защита[3].

И наша страна
пока
в окружении
заводчиковых
и банкирских собак[4].

Эсер с монархистом
шпионят бессонно –
где жалят змеей,
где рубят с плеча[5].

Многие враги советской власти получили инвективные зооморфные характеристики (Деникин – блоха в «Балладе об одном короле и тоже об одной блохе (он же Деникин)»; Милюков, который «болтает сорокой радостной» в поэме «Хорошо!»; Жорж Клемансо, получивший на родине лестную характеристику *Le Tigre*, в двустишии «Клемансо» и сопровождавшем его рисунке предстает мухой). В. Маяковский демонстрирует разнообразие способов,

которыми вводится в текст зооморфизм: с помощью творительного падежа сравнения («Эй, Деникин, слез не лей, псом побитым воя!»), аналогии («Пан Пилсудский горделиво / прямо в Кремль вчера спешил. / Что не ржешь, мой конь ретивый, / что ты шею опустил? / Не хотел переговоров, / грит: «В Борисов поезжай!» / У осла бывает норов, / хоть прикладом вышибай!»), производного от анимализма («Сбит Милюков, Керенский сбит. / Но в быту походкой рачьей / пятятся многие к жизни фрачьей»), развернутой метафоры («...если в Россиях увязнет коготок, / всей буржуазной птичке пропасть»), нередко имеющей уничижительные коннотации (в «Октябрьских частушках»: «Вспять не будет течь Ока/ с сотворенья мира-с, / от бегов у Колчака / хвост кобылий вырос»)[6].

Сформировались клише политических метафор типа «акулы империализма», «волчьи законы капитализма», «звериный оскал буржуазии», «буржуазные хищники»:

«Лапа класса лежит на хищнике, / Лубянская лапа Че-Ка» (В. Маяковский «Хорошо!»[7]). Ср. также фрагмент обвинительной речи Карла Радека в 1921 г. по делу об экономическом преступлении, которая имела при этом ярко выраженный политический характер: «На скамье подсудимых сидят мелкие хищники – владельцы кафе, чайных и сапожных мастерских, гастрономических и иных магазинов, словом те «предприниматели», которые, не принося никакой пользы трудящимся, обслуживая жирных, себе подобных господ, по-своему поняли новую экономическую политику». Подобное использование метафор определяется, в частности И. Б. Орловым, как явление «социального зооморфизма» (2001: 230–236).

Некоторые из подобных клише отчасти актуальны и сегодня, например:

«”Акулы империализма” (да простит мне читатель подобные выражения – столько лет нашему поколению вдалбливали эти, кажущиеся сегодня смешными штампы) тут же стали активно использовать новое открытие ученых <...>» (Шпрах, 2011)[8]. Как видим, стандартный образ используется не с обличительным пафосом 1920-х гг., а с иронией (ср. более современные клише типа «акулы бизнеса», «акулы пера» и под.). Зооморфные метафоры легко формируют у реципиентов образы и идеи, приписывая определенные характеристики событию или лицу.

Сформировавшееся образное содержание зооморфной метафоры не остается неизменным. «Зоометафоры <...> обладают

кумулятивной функцией, вбирая в себя наслоения различных культурных эпох и являя собой динамические структуры в контексте этнокультурной языковой картины мира» (Маслов, 2014: 6). Так, слово «крыса» традиционно применялось к индивиду, который осуществляет систему действий, оцениваемых негативно (мелкие, незначимые, ничтожные). Это нашло отражение в художественных текстах и публицистике, в том числе создании устойчивых метафорических составных номинаций: «канцелярская крыса», «тыловая крыса» и под. С 1990-х гг. (когда вообще активизировался после затишья застойных лет инвективный зооморфный код) оно стало обозначать предателя, тайного врага, лазутчика, действующего в интересах противников или конкурентов. Активным стал и криминальный жаргонизм «крысятничать».

Интересно, что понятийное содержание и прагматика зооморфизма могут не совпадать в общем языке и подъязыках, в различных типах субстандарта. Так, в криминальном арго «аллигатор» – опасный преступник-рецидивист; уголовник, способный на любое преступление, а «баран» – осужденный, зарезанный во время драки в исправительно-трудовом учреждении (Андреев, 2013: 11). В этой же работе отмечается омонимия арготических зооморфизмов: «гиена» – кладбищенский вор; женщина – заместитель по политчасти в женском исправительно-трудовом учреждении.

По понятным причинам среди зооморфных метафор подавляющее большинство составляют пейоративы, тогда как мелиоративы (орел, лев, олень) единичны. Степень пейоративности (инвективности) зооморфизмов может быть различной. В современных трудах по юридической лингвистике и лингвоэкспертологии предпринимаются попытки найти объективные критерии, с помощью которых можно было бы определить степень инвективности зооморфизма в конкретных текстах. Такими критериями оказываются лексикографические пометы. Так, в диссертации Гэн Юаньюань предлагается разграничивать единицы по степени инвективности (низкой и высокой). К первой степени инвективности отнесены вторичные значения зоонимов с пометами «разг.» (при наличии отрицательных сем в дефинициях), а также «разг.-сниж.», «разг.-пренебр.», «разг.-неодобр.», «разг.-ирон.». Ко второй степени инвективности отнесены вторичные значения зоонимов с пометой «прост.» и с эмоционально-экспрессивными пометами

«пренебр.», «презрит.», «бран.», «груб.» (2018). Фактически для указанного автора, ориентировавшегося на академические словари русского языка (БАС[9], МАС[10]), решающим оказывается различие разговорного или просторечного статуса слова. Однако этот критерий крайне ненадежен в силу призрачности различий между понятиями «разговорное» и «просторечное». В теории разговорный стиль – это еще литературный язык (понимаемый как образцовый и традиционный), а просторечие – за гранью понятия «литературный язык», это такой же субстандарт, как диалекты и жаргоны. Однако в реальности провести эту грань далеко не всегда возможно, и хорошо известны бесчисленные разноречия словарей на эту тему: в одном издании единица характеризуется как разговорная, в другом – как просторечная. К концу XX в. возобладало мнение (см. подробную библиографию в диссертации Т. А. Кудиновой, 2011), что различие разговорного и просторечного – надуманное, поскольку обе эти характеристики указывают только на то, что это сниженные единицы, не типичные для официально-деловой сферы коммуникации. И совершенно не случайно современная лексикография отказывается от характеристики «просторечное». Прозрачный с точки зрения внутренней формы, традиционный для русистики (в русской лексикографии – с XVIII в.), этот термин в современных условиях оказывается неинформативным, семантически размытым и внутренне противоречивым, и вызвано это рядом причин. Прежде всего, следует иметь в виду общий дрейф коммуникации в сторону снижения (ср. обилие единиц субстандарта в медиа, в трех выпусках «Словаря модных слов» Вл. Новикова 2005; 2008; 2016), вследствие чего границы литературного языка объективно оказались нечеткими. Далее, исследователи (напр., Кудинова, 2011) давно указали на два совершенно различных типа просторечия: 1) объективное просторечие (говорящий не имеет в своем арсенале литературных форм для соответствующего понятийного содержания и вынужден оперировать просторечными единицами) и 2) интенциональное просторечие (вполне грамотный отправитель речи намеренно использует сниженный вариант). Что касается анимализмов в метафорическом значении, то очевидно, что они могут быть отнесены только к интенциональному просторечию, то есть это сознательный выбор говорящего.

Как бы то ни было, задача разграничения степени инвективности зооморфизмов (которую, как показано, невозможно решить

на базе лексикографических помет) чрезвычайно актуальна. Как свидетельствуют труды по лингвоэкспертологии, зоометафоры относятся к наиболее сложным феноменам в практике экспертизы (см., например, Маслов, 2014). Если инвективность обсценизмов, нарушающих социальные табу, очевидна, то инвективность зооморфизмов нуждается в доказательной лингвистической базе. Между тем переносные (метафорические) значения зоонимов недостаточно отрефлектированы. Затрудняет дело то обстоятельство, что они являются производными литературных анимализмов (которые в первичном значении ни в коей мере не инвективы). Они отражают процессы формирования и закрепления этнокультурных стереотипов, такие единицы чрезвычайно зависимы от контекстных условий (в том числе от широкого контекста ситуации) – все это, естественно, затрудняет их лексикографическую характеристику.

Самый поверхностный ретроспективный взгляд способен уловить существенные различия в применении зооморфизмов в первые годы советской власти, в 1950–1960 гг., в постперестроечный период и в настоящее время. В газете «Известия» от 30 января 1937 г. требуют «сурово покарать блудливых, извивающихся троцкистских гадов»[11]. Подобная риторика распространялась и на область науки: великого лингвиста Е. Д. Поливанова в прессе 1930-х гг. именовали «кулацким волком в шкуре советского профессора». И это на фоне таких определений, как «истошные вопли эпигона субъективно-идеалистической школы», «хулиганско-наглые выступления черносотенного лингвиста-идеалиста» и под. (см. об этом: Ларина, 2007: 8).

«Национальным позором» назвала Лидия Чуковская фрагмент доклада секретаря ЦК комсомола В. Семичастного 29 октября 1958 г. (перепечатанный затем «Комсомольской правдой»), где с помощью грубой зооморфной инвективы обвиняется Б. Пастернак:

«Как говорится в русской пословице, и в хорошем стаде заводится паршивая овца. Такую паршивую овцу мы имеем в нашем социалистическом обществе в лице Пастернака, который выступил со своим клеветническим так называемым произведением <...> Иногда мы – кстати, совершенно незаслуженно – говорим о свинье, что она такая-сякая и прочее. Я должен вам сказать, что это наветы на свинью. Свинья – все люди, которые имеют дело с этими животными, знают особенности свиньи, – она никогда

не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит. Поэтому если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал. А Пастернак – этот человек себя причисляет к лучшим представителям общества, – он это сделал. Он нагадил там, где ел, он нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит»[12].

Хорошо известен отклик Л. К. Чуковской на этот фрагмент (воспроизведенный и в «Записках об Анне Ахматовой», и в сборнике «Процесс исключения»[13]), где акцентируется внимание на сочетании грубой инвективы «свинья» и глагола «кушает»:

«Сначала сравнение с овцой. Паршивая овца в стаде. Ну, это обыкновенно. Потом – образ не выдержан! – овца превращается в свинью <...> Самое примечательное тут слово – „кушает“. „Свинья кушает“. Вот он кто такой, товарищ Семичастный. Он полагает, что слово „ест“ – грубое слово, а сказать о свинье „кушает“ – это представляется ему более интеллигентным».

Впрочем, как стало известно в перестроечное время (когда В. Семичастный дал интервью журналу «Огонек», 1989, № 24)[14], это не примета стиля самого оратора, поскольку текст накануне надиктовал сам Н. Хрущев и проверял М. Суслов. Есть предположение, что зооморфный образ появился еще и потому, что властям могли стать известными слова Б. Пастернака: «Так долго над нами царствовал безумец и убийца, а теперь – дурак и свинья...»[15].

В использовании зооморфизмов с течением времени стало ощущаться «смягчение нравов». Естественной социокультурной нормой стали толерантность и политкорректность, не допускающие грубых инвектив, ибо главным становится признание того, что имеют право на существование принципиально разные точки зрения. Рассмотрим подробнее использование зооморфизмов в эпоху, когда принцип толерантности стремится стать универсальной категорией речевой деятельности.

Результаты

Прежде всего следует отметить, что не только инвективные зооморфизмы используются очень дозированно, но и зоометафоры-мелиоративы стали редкими. Ушли в прошлое «сталинские соколы» (об орнитологической метафоре «сталинские соколы» см. подробнее: Загидулина, 2016: 176–180), и это на фоне того, что, как точно заметил З. Прилепин, «даже в слове “герой” видится сегодня некая кривая усмешка. Мы уже не умеем такое всерьез

произносить. Можно сказать: герой, блин... Только так и можно»[16]. Думаем, что все может измениться (ср. употребление слова «герой» в контексте спецоперации на Украине):

«Десятки тысяч героев вернутся с фронта, вернутся с Победой! И они должны занять достойное положение в обществе. И когда у большой группы ребят-фронтовиков, которые стоят перед чиновником, такие заслуги, грудь в орденах и цепкие оценивающие взгляды, а еще известно, что за их спинами незримо находится Президент и Ставка, едва ли найдется бюрократ, способный их пожелания проигнорировать. Они потребуют социальной справедливости»[17].

Мелиоратив «орел» остался разве что в медийной рекламе: «Зрение, как у орла**.** Новая методика восстановления зрения в домашних условиях»[18].

Зооморфизмы нередко актуализируют идею величины и значимости: «<...>лауреаты Нобелевки – это давно уже писатели не первого ряда. Потому что сама премия превратилась в премию для авторов-диссидентов, бунтующих именно в тех странах, к которым консолидированный Запад с географическим центром на Уолл-стрит имеет какие-то претензии. Причем если еще 20–30 лет назад из диссидентов все же выбирались довольно крупные фигуры – киты (Солженицын или Бродский), то теперь пошла литературная макрель, вроде Светланы Алексиевич»[19].

Популярны традиционные инвективы типа «змеиное гнездо», «щупальца» (спрута), «ястребиные устремления», «кровососущее насекомое», «крот».

«Способ существования Запада как планетарного кровососущего насекомого стал очевиден, когда наши богатства по компрадорским пульсирующим хоботкам начали стремительно утекать за рубеж, обескровливая нашу страну»[20]; «Если это информация – для американцев, то они и так все знают, благо «кротов» во времена Горбачева и Ельцина развелось множество»[21]; «Через пару дней хайп спадал, и пустоголовые обитатели «Твиттера», «Фейсбука», «Инстаграма» и прочих змеиных гнезд навсегда забывали про жертв терактов, стихийных бедствий, войн и «демократических протестов» <...> Транснациональные медиакорпорации, эти могучие щупальца глобальной Клинтон, десятилетия накачивавшиеся деньгами и кадрами, все сильнее доказывают свою слабую эффективность с каждым новым кризисом последних полутора десятилетий»[22]; «Клише про «разговоры с позиции силы» стало

настолько заезженным, что со времен провальной встречи в Анкоридже почти не используется, но незримо присутствует в чаяниях американской прессы, скучающей по ястребиным устремлениям времен Билла Клинтона»[23]; «Сохранение в России идеологии либерализма и антикоммунизма под покровом отсутствия официальной идеологии будет обозначать закрепление за страной периферийного статуса дойной коровы глобального бизнеса»[24]; «Однако на что еще мог сослаться Осло в попытках нарушить вековую историю отечественной угледобычи на Шпицбергене? Правильно – на “медвежью услугу”»[25].

Актуален образ «русского медведя», противостоящего коллективному Западу: «Долгая история обмана, грабежа и преступлений Запада подтолкнула Россию к принятию решений, касающихся Украины. Россия решила раз и навсегда покончить с нависшей над ней экзистенциальной угрозой, исходящей от Запада. «Русский медведь» пойдет до конца и полностью выполнит стоящую перед ним задачу, как это неоднократно случалось в прошлом и как этому научила Россию история»[26]; «Русские – огромная нация, если этот медведь начнет ломать посудную лавку, мало не покажется <...> Во-первых, не такая уж и огромная, неуклонно убывающая, а если сравнивать с занимаемой территорией, так и просто маленькая. Во-вторых, чтобы медведь не начал ломать лавку, надо хотя бы изредка интересоваться его здоровьем, самочувствием, спрашивать, как ему, косолапому, живется, какие у него вопросы к власти, к самому себе»[27].

Естественно, популярны и метафоры, опосредованно связанные с анимализмами, а также фразеологизмы с зооморфными компонентами:

«Германия и лично Шольц попали в капкан, который Путин и его ближайшие советники расставили для «партнеров» настолько искусно, что из непосвященных до сих пор никто ничего не понял»[28]; «А танкеров своих у нас – кот наплакал, только флот Совкомфлота, а отнюдь не армада»[29].

Зоометафоры нередко занимают «сильную» заголовочную позицию: ср. заголовки «Киберволки»[30], «Морские овцы?»[31]; «Тараканьи бега»[32] (речь идет о волне новой эмиграции после 24 февраля 2022 г.); «Сучье племя. Закроем глаза Зулейхе»[33]. Статья Н. Сорокина[34], где речь идет о западных спецслужбах, называется «Кроты или страусы?», и смысл названия раскрывается в финаль-

ных строках: «Страусы, выпивающие в подземных норах с кротами, и то менее ангажированы и трусливы. В целом, ребята выбрали позицию, которую следует охарактеризовать даже не как солипсизм, а, если можно так выразиться, страусизм».

Зооморфные инвективы, даже в текстах, анализирующих «исход» интеллигенции после начала спецоперации российских войск на Украине, остаются достаточно мягкими:

«Рвут когти всякие горе-предприниматели, их обколотые коллагеном и гиалуроновой кислотой жены, айфон-мажорчики, напуганные, что их могут выдернуть из карамельно-шоколадной нирваны; бегут убогие «звезды», всю жизнь напоминавшие о себе не творчеством, а скандалами; убегают блогеры и крутобедрые инстадевушки мотылькового поведения <...> А вообще, если крысы сбегают с корабля, он перестает тонуть. Как там у Шнура: «Полюбасу время кончилось колбас, / Форумов, фуршетов, биеннале»? О, да! «В конце письма поставить vale» – а это уже Пушкин. Так что летите, голуби, в направлении биеннале. Правда, вас там не ждут, и хорошо, коли не набьют морду»[35].

Даже в случае использования зоометафор с сильным оскорбительным потенциалом авторы нередко прибегают к косвенным речевым актам, смягчающим инвективность. Показателен в этом отношении следующий пример:

«Нужно внимательно следить за тем, как оживились европейские гиены. Президент Макрон, один из главных дирижеров украинского кризиса, прямым текстом заявил, что намерен использовать африканский голод в политических целях»[36].

Как известно, гиена – хищное, ночное, трусливое животное, питающееся падалью и вырывающее для этого трупы из могил. Отсюда присваиваемые гиене качества – коварство, непостоянство, двуличие. Негативно-оценочные семы предопределяют единственную возможность использования такого зооморфизма – с инвективной интенцией. Это явный зооним-конфликтоген. Представить себе в современных качественных медиа фразу с прямой предикацией (Х есть *гиена*) трудно, но вполне возможно и используется в художественном дискурсе: «Лиса Толстой, куница Остерман / Клыками рвут российское наследство»[37]. Однако и в такой, смягченной за счет амплификации форме смысл метафоры предельно ясен.

Ср. также:

«Доходит до смешного: создан, например, специальный госфонд для улучшения имиджа России за рубежом. Но по миру с этими благими целями командируются, как правило, именно те деятели, которые последние пятнадцать лет только тем и занимались, что ухудшали образ нашей страны в глазах мирового сообщества. Кому пришло в голову, образно говоря, формировать службу безопасности курятника исключительно из хорьков?»[38]

«Речь идет о том, что национальной, социально ответственной, патриотической элиты у нас нет. А та, что есть, воспринимает Россию как некий вахтовый поселок, где можно заработать большие деньги, а тратить их потом в «нормальных» странах. Саранча ведет себя так же: выжрав одно поле, просто перелетает на другое.»[39]

«Прочла у вас: "Если бы солитер обладал сознанием, он вряд ли сочувствовал бы тому организму, из которого высасывает соки". Российский капитал зачастую просто паразитирует на нашем Отечестве.»[40]

Как мы видим, самые обидные инвективы («хорьки», «саранча», «солитер») введены в контекст дистантного сравнения, что, при полной ясности авторских интенций, несколько смягчает оскорбительный смысл.

Ценностные ориентиры толерантности, к которым относятся неконфликтность, уважение и пр., не отменяют возможность острых политических дискуссий, однако диктуют более мягкие формы словесного воплощения. Они способны сгладить негативную оценочность и тем самым снизить конфликтогенность текста.

Проблема конфликтогенности и инвектогенности зооморфизмов сегодня вряд ли может быть решена на основании лексикографических данных – запретительных помет и стилистических характеристик. Составление юрислингвистических словарей инвективных единиц и – шире – прагматических справочников, учитывающих все коннотативные и аксиологические нюансы, осознается сегодня как важная междисциплинарная задача. Еще в конце прошлого века Н. Д. Голев писал о необходимости создания особой шкалы для измерения степени инвективности лексики (1999). Решение этой задачи возможно при условии детальной разработки отдельных фрагментов инвективного функционирования языка в различных средах, в том числе – функционирования зоометафор в политическом медиадискурсе.

Как известно, использование зоометафор-инвектив применительно к определенному человеку уже традиционно квалифициру-

ется в лингвистической экспертизе в качестве оскорбления. Судебная практика по таким делам требует установления четких критериев степени оскорбительности зооморфизмов, создания инструментария интерпретации инвективных коннотаций зоометафор, что возможно также после тщательного исследования зоометафор в различных типах дискурса.

Заключение

Зооморфизмы в политическом медиадискурсе подтверждают, что концептуальная метафора является не только элокутивным приемом; это способ мышления, осмысления общественной жизни, а также способ передать субъективное отношение к предмету речи. Зооморфизмы аккумулируют экспрессивность сообщения, отражают позицию автора благодаря вербализации эмоциональной оценки. Анималистическая метафора – важное номинативное средство трактовки событий и оценки политических деятелей. Признаки зооморфной метафорической модели в политическом медиадискурсе коррелируют с экстралингвистическими обстоятельствами – социальными процессами, приоритетными установками и общественными идеалами.

При общей высокой культурно-дискурсивной значимости анималистической метафоры можно говорить о разной степени ее востребованности в зависимости от социальных условий. Она несет на себе печать времени и социальных обстоятельств. В эпоху ориентации на толерантность и политкорректность инвективность зооморфизмов снижается. Однако тотальная толерантность, воплощающая социальную бесконфликтность и гармонию, невозможна в политическом дискурсе, описывающем социальные и межэтнические проблемы. Тем не менее смягченная инвективность зооморфизмов может стать одним из средств гармонизации общения.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002.

[2] *Крылов И. А.* Волк на псарне. Режим доступа: https://stihirus.ru/stihi/krylov-ivan/volk-na-psarne (дата обращения: 20.04.2022).

[3] *Маяковский В.* Красный ёж (РОСТА №557). Режим доступа: https://lit-ra.su/vladimir-mayakovskiy/krasnyy-yozh-rosta-557/ (дата обращения: 20.04.2022).

[4] *Маяковский В.* Готовься... Режим доступа: https://vladimir-mayakovskiy.su/gotovsya/ (дата обращения: 20.04.2022).

[5] *Маяковский В.* Владимир Ильич Ленин. Режим доступа: https://vladimir-mayakovskiy.su/poemy/vladimir-ilich-lenin/13/ (дата обращения: 20.04.2022).

[6] *Маяковский В.* Полное собрание сочинений в 13 тт. Режим доступа: https://bookscafe.net/author/mayakovskiy_vladimir-1207-p3.html (дата обращения: 04.05.2022).

[7] Там же.

[8] *Шпрах С.* Биоритмы – тренировка и соревнования. 2011. Апр., 18. Режим доступа: https://def.kondopoga.ru/1180507958-sergey-shprah-bioritmy-trenirovka-i-sorevnovaniya.html (дата обращения: 15.04.2022).

[9] Словарь современного русского литературного языка. М.; Л. Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1948–1965. Т. 1–17. (БАС)

[10] Словарь русского языка / под ред. *А. П. Евгеньевой*. М.: Русский язык, 1985. Т. 1–4. (МАС)

[11] Известия. 1937. Янв., 30. Режим доступа: http://www.oldgazette.ru/izvestie/30011937/text4.html (дата обращения: 04.05.2022).

[12] Семичастный громит Пастернака: запись доклада 1958 года. Режим доступа: https://arzamas.academy/special/august/recommendations/45-pasternak (дата обращения: 04.05.2022).

[13] *Чуковская Л.* Процесс исключения (сборник). Режим доступа: https://iknigi.net/avtor-lidiya-chukovskaya/30797-process-isklyucheniya-sbornik-lidiya-chukovskaya/read/page-39.html (дата обращения: 02.05.2022).

[14] Интервью В. Семичастного журналу «Огонёк» // Огонёк. 1989. № 24.

[15] *Быков Д.* Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 135.

[16] *Прилепин З.* К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. Эссе. М.: Астрель, 2012.

[17] *Сорокин Н.* Лучшие люди // Завтра. 2022. № 15. С. 3.

[18] Комсомольская правда. 2022. Апр., 20–27.

[19] *Поляков Ю.* Заметки несогласного // *Поляков Ю.* Перелетная элита. 2019. С. 102.

[20] *Поляков Ю.* Мой тост – за сильную правоту // *Поляков Ю.* Перелетная элита. 2019. С. 148.

[21] *Поляков Ю.* Писатель в эпоху перемен // *Поляков Ю.* Перелетная элита. 2019. С. 161.

[22] *Воробьев В.* Укроскепсис // Завтра. 2022. № 15. С. 2.

[23] *Титов И.* Разговор с позиции Си // Завтра. 2022. № 11. С. 2.

[24] *Батчиков С.* Преображение себя// Завтра. 2022. № 13. С. 5.

[245] *Латов А.* Медвежья услуга // Завтра. 2022. № 27. С. 2.

[26] *Рами Аль-Шер.* Госпожа многополярность // Завтра. 2022. № 13. С. 3.

[27] Интервью с Ю. Поляковым // *Поляков Ю.* Босх в помощь! 2019. С. 142.

[28] *Сорокин Н.* Газорубль // Завтра. 2022. № 13. С. 3.

[29] *Марцинкевич Б.* Страна, подъем! // Завтра. 2022. № 15. С. 4.

[30] Киберволки // Завтра. 2022. № 15. С. 2.

[31] Морские овцы? // Завтра. 2022. № 13. С. 2.

[32] Тараканьи бега // Завтра. 2022. № 11. С. 7.

[33] Сучье племя. Закроем глаза Зулейхе // Завтра. 2022. № 17. С. 7.

[34] *Сорокин Н.* Кроты или страусы? // Завтра. 2022. № 29. С. 3.

[35] *Иванкина Г.* Тараканьи бега // Завтра. 2022. № 11. С. 7.

[36] *Зайцев К.* Призрак голода // Завтра. 2022. № 13. С. 2.

[37] *Волошин М.* Россия. Режим доступа: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=11429 (дата обращения: 02.05.2022).

[38] *Поляков Ю.* Быть русским в России. М.: Аргументы недели, 2020. С. 432–433.

[39] Интервью с Ю. Поляковым // *Поляков Ю.* Босх в помощь! 2019. С. 110.

[40] Там же. С. 112.

Библиография

Агафонова О. И. Метафорическая модель «politics is animal world» в политическом дискурсе (на материале американских и британских интернет-СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2012.

Андреев В. Н. Метафорический перенос как способ образования арготизмов лексико-семантической группы «человек» // Приволжский вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 9–12.

Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11–58.

Гэн Юаньюань Моделирование лексико-деривационного пространства (на материале русской зоолексики): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018.

Загидулина Т. А. «Сталинские соколы» – орнитологическая метафора в авиационном дискурсе как инструмент конструирования политического мифа // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 176–180.

Ильминская Л. В., Степаненко С. Н. Зоологическая метафора как языковой инструмент создания образа врага в современном англоязычном политическом дискурсе // Лексикография и коммуникация–2019: сб. мат. V междунар. науч. конф. Белгород, 18–19 апр. 2019 г. / отв. ред. *А. П. Седых*. Белгород, 2019. С. 111–114.

Карпенко Е. И. Лингвокультурологические аспекты немецких зооморфных метафор (на материале современной прессы ФРГ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Кудинова Т. А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации: дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2011.

Лазарева М. Н. Нравственный потенциал зооморфной метафоры в латинских крылатых выражениях, пословицах и поговорках // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 135–138.

Ларина Ю. Е. Прагматика термина как семиотическое свойство (на материале русской лингвистической терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.

Линь Сюе. Зоометафора как средство выражения негативной оценки в политическом дискурсе (на материале китайского и русского языков) // Вестн. МГЛУ. 2018. № 14. С. 173–178.

Маджуга Н. Н. Инвективная функция русских зоонимов в аспекте лингвоэкспертологии // Ученые записки Петрозаводск. гос. ун-та. 2019. № 3 (180). С. 108–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.317

Маслов А. С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014.

Новиков Вл. Словарь модных слов. М.: Зебра Е, 2005.

Новиков Вл. Новый словарь модных слов. М.: АСТ: Зебра Е, 2008.

Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2016.

Орлов И. Б. «Новая буржуазия» в советской сатире 1920-х годов // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М.: МОНФ, 2001. С. 230–236.

Поваляева Т. Э. Лексикографическая интерпретация инвективных зоометафор в словарях разных типов // Современная русская лексикография: сб. статей / отв. ред. *С. А. Мызников, О. Н. Крылова* / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука. 2010. С. 189–197.

Решетникова Е. Песья инвектива в «Илиаде» // Отечественные записки. 2014. № 6. Режим доступа: https://strana-oz.ru/2014/6/pesya-invektiva-v-iliade (дата обращения: 02.12.2022).

Семина О. Ю. Вторичные значения зоонимов русского и английского языков (на материале национальных корпусов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008.

Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Омск, 2004.

Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 2004.

Храмова М. Н. Семантика зооморфных образов в современной европейской культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015.

Agafonova O. I., Belozerova M. S., Larini S. (2020) Functioning of the Complex Metaphor «Politics is Animal World» in contemporary Mass-Media. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics* 6 (1): 3–11. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-1

Mujagić M., Berberović S. (2019) The IMMIGRANTS ARE ANIMALS metaphor as a deliberate metaphor in British and Bosnian-Herzegovinian media. *ExELL* 7 (1): 22–51. DOI: 10.2478/exell-2020-0005

Notes

The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project number 21-512-07002.

Batchikov S. (2022) Preobrazhenie sebya [Self-transformation]. *Zavtra* 13: 5.

Bykov D. (2007) *Boris Pasternak* [Boris Pasternak]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. P. 135.

Chukovskaya L. (2007) *Protsess isklyucheniya (sbornik)* [The process of exclusion (a collection)]. Available at: https://iknigi.net/avtor-lidiya-chukovskaya/30797-process-isklyucheniya-sbornik-lidiya-chukovskaya/read/page-39.html (accessed: 02.05.2022).

Evgen'eva A. P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka. T. 1–4* [Dictionary of the Russian Language. Vol. 1–4]. MAS Publ.

Interv'yu V. Semichastnogo zhurnalu «Ogonek» [V. Semichastny's Interview to the Ogonyok magazine] (1989) *Ogonek* 24.

Interv'yu s Yu. Polyakovym [Interview with Yu. Polyakov] (2019) In *Yu. Polyakov. Boskh v pomoshch'!* [May Bosch speed you!]. P. 142.

Ibid. P. 110.

Ibid. P. 112.

Ivankina G. (2022) Tarakan'i bega [Cockroach races]. *Zavtra* 11: 7.

Izvestiya. *30 yanvarya 1937 g*. Available at: http://www.oldgazette.ru/izvestie/30011937/text4.html (accessed: 04.05.2022).

Kibervolki [Cyber wolves] (2022) *Zavtra* 15: 2.

Komsomol'skaya Pravda (2022) 20–27 April.

Krylov I. A. *Volk na psarne* [The wolf in the kennel]. Available at: https://stihirus.ru/stihi/krylov-ivan/volk-na-psarne (accessed: 20.04.2022).

Latov A. (2022) Medvezh'ya usluga [A disservice]. *Zavtra* 27: 2.

Martsinkevich B. (2022) Strana, pod"em! [Country, rise!]. *Zavtra* 15: 4.

Mayakovskii V. *Krasnyi ezh (ROSTA №557)* [The red hedgehog (ROSTA No. 557)]. Available at: https://lit-ra.su/vladimir-mayakovskiy/krasnyy-yozh-rosta-557/ (accessed: 20.04.2022)

Mayakovskii V. *Gotov'sya...* [Get ready...]. Available at: https://vladimir-mayakovskiy.su/gotovsya/ (accessed: 20.04.2022).

Mayakovskii V. *Vladimir Il'ich Lenin* [Vladimir Ilyich Lenin]. Available at: https://vladimir-mayakovskiy.su/poemy/vladimir-ilich-lenin/13/ (accessed: 20.04. 2022).

Mayakovskii V. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 t.* [Complete Works in 13 vol.]. Available at: https://bookscafe.net/author/mayakovskiy_vladimir-1207-p3.html (accessed: 4.05.2022).

Morskie ovtsy? [Sea sheep?] (2022) *Zavtra* 13: 2.

Prilepin Z. (2012) *K nam edet Peresvet: otchet za nulevye. Ehsse* [Peresvet is coming to us: a report for the zero years]. Moscow: Astrel' Publ.

Polyakov Yu. (2019) Zametki nesoglasnogo [Notes of the dissenter]. In *Pereletnaya ehlita* [The migrant elite]. P. 102.

Polyakov Yu. (2019). *Pisatel' v ehpokhu peremen* [A writer in an era of change]. In *Pereletnaya ehlita* [The migrant elite]. P. 161.

Polyakov Yu. (2020) Byt' russkim v Rossii [Being Russian in Russia]. Moscow: Argumenty nedeli Publ. Pp. 432–433.

Rami Al'-Sher (2022) Gospozha mnogopolyarnost' [Mrs. Multipolarity]. *Zavtra* 13: 3.

Semichastnyy gromit Pasternaka: zapis' doklada 1958 goda [Semichastny scathes Pasternak: recording of the 1958 report]. Available at: https://arzamas.academy/special/august/recommendations/45-pasternak (accessed: 04.05.2022).

Shprakh S. (2011) *Bioritmy – trenirovka i sorevnovaniya. 18 aprelya 2011* [Biorhythms – training and competitions. April 18, 2011]. Available at: https://def.kondopoga.ru/1180507958-sergey-shprah-bioritmy-trenirovka-i-sorevnovaniya.html (accessed: 15.04.2022).

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 1–17 [Dictionary of Modern Russian Literary Language. Vol. 1–17] (1948–1965) Moscow; Leningrad: BAS Publ.

Sorokin N. (2022) Luchshie lyudi [The best people]. *Zavtra* 15: 3.

Sorokin N. (2022) Gazorubl' [Gas Rouble]. *Zavtra* 13: 3.

Sorokin N. (2022). Kroty ili strausy? [Moles or ostriches?]. *Zavtra* 29: 3.

Such'e plemya. Zakroem glaza Zuleikhe [The bitch tribe. Let's close Zuleikha's eyes] (2022) *Zavtra* 17: 7.

Vorob'ev V. (2022) Ukroskepsis [Ukroscepticism]. *Zavtra* 15: 2.

Tarakan'i bega [Cockroach Races] (2022) *Zavtra* 11: 7.

Titov I. (2022) Razgovor s pozitsii Si [A conversation from the standpoint of Xi]. *Zavtra* 11: 2.

Voloshin M. *Rossiya* [Russia]. Available at: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=11429 (accessed: 2.05.2022)

Zaitsev K. (2022) Prizrak goloda [The ghost of hunger]. *Zavtra* 13: 2.

References

Agafonova O. I. (2012) *Metaforicheskaya model' «politics is animal world» v politicheskom diskurse (na materiale amerikanskikh i britanskikh internet-SMI):* dis. ... kand. filol. nauk. [The Metaphorical Model of "Politics Is Animal World" in Political Discourse (a Case Study of American and British Online Media): PhD philol. sci. diss.] Belgorod. (In Russian)

Agafonova O. I., Belozerova M. S., Larini S. (2020) Functioning of the Complex Metaphor "Politics Is Animal World" in Contemporary Mass Media. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics* 6 (1): 3–11. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-1

Andreev V. N. (2013) Metaforicheskii perenos kak sposob obrazovaniya argotizmov leksiko-semanticheskoi gruppy «chelovek» [Metaphorical Transference as a Way of forming Argotisms of the Lexico-Semantic Group "Man"]. *Privolzhskii vestnik* 8 (24 (2)): 9–12. (In Russian)

Gehn Yuan'yuan' (2018) *Modelirovanie leksiko-derivatsionnogo prostranstva (na materiale russkoi zooleksiki):* dis. ... kand. filol. nauk. [Modeling of the Lexical-Derivational Space (A Case Study of Russian Zoo Vocabulary): PhD philol. sci. diss.] Ekaterinburg. (In Russian)

Golev N. D. (1990) Yuridicheskii aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii [The Legal Aspect of the Language in Terms of Linguistics]. In *Yurislingvistika-1. Problemy i perspektivy.* Barnaul. Pp. 11–58. (In Russian)

Il'minskaya L. V., Stepanenko S. N. (2019) Zoologicheskaya metafora kak yazykovoi instrument sozdaniya obraza vraga v sovremennom angloyazychnom politicheskom diskurse [A Zoological Metaphor as a Linguistic Tool for Creating the Enemy Image in Modern English-Language Political Discourse]. In A. P. Sedykh (ed.) *Leksikografiya i kommunikatsiya–2019: sb. mat. V mezhdunar. nauch. konf., Belgorod, 18–19 apr. 2019 g.* [Lexicography and Communication–2019: Proceedings of the 5th International Scientific Conference, Belgorod, April 18–19, 2019]. Belgorod. Pp. 111–114. (In Russian)

Karpenko E. I. (2006) *Lingvokul'turologicheskie aspekty nemetskikh zoomorfnykh metafor (na materiale sovremennoi pressy FRG):* avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [The Linguoculturological Aspects of German Zoomorphic Metaphors (a Case Study of the Modern Press in Germany): an extended abstract of PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Khramova M. N. (2015) *Semantika zoomorfnykh obrazov v sovremennoi evropeiskoi kul'ture:* dis. ... kand. filol. nauk. [Semantics of Zoomorphic Images in Modern European Culture: PhD philol. sci. diss.] St. Petersburg. (In Russian)

Larina Yu. E. (2007) *Pragmatika termina kak semioticheskoe svoistvo (na materiale russkoi lingvisticheskoi terminologii):* dis. ... kand. filol. nauk. [Pragmatics of the Term as a Semiotic Property (a Case Study of Russian Linguistic Terminology): PhD philol. sci. diss.] Krasnodar. (In Russian)

Lazareva M. N. (2012) *Nravstvennyi potentsial zoomorfnoi metafory v latinskikh krylatykh vyrazheniyakh, poslovitsakh i pogovorkakh* [The Moral Potential of the Zoomorphic Metaphor in Latin Winged Expressions, Proverbs and Sayings]. *Vestn. Nizhegor. un-ta im. N.I. Lobachevskogo* 1 (2): 135–138. (In Russian)

Lin' Syue (2018) Zoometafora kak sredstvo vyrazheniya negativnoi otsenki v politicheskom diskurse (na materiale kitaiskogo i russkogo yazykov) [A Zoo Metaphor as a Means of Expressing Negative Evaluation in Political Discourse (a Case Study of Chinese and Russian Languages)]. *Vestnik MGLU* 14: 173–178. (In Russian)

Madzhuga N. N. (2019) Invektivnaya funktsiya russkikh zoonimov v aspekte lingvoehkspertologii [Invective Function of Russian Zoonyms in the Aspect of Linguoexpertology]. *Uchenye zapiski Petrozavod. gos. un-ta* 3 (180): 108–112. (In Russian)

Maslov A. S. (2014) *Zoometafory-invektivy v sovremennom russkom yazyke: ehksperimental'noe issledovanie.* Dis. ... kand. filol. nauk. [Zoo Metaphors-Invectives in Modern Russian: an Experimental Study. PhD philol. sci. diss.] Belgorod. (In Russian)

Mujagić M., Berberović S. (2019) The IMMIGRANTS ARE ANIMALS Metaphor as a Deliberate Metaphor in British and Bosnian-Herzegovinian Media. *ExELL* 7 (1): 22–51. DOI: 10.2478/exell-2020-0005

Kudinova T. A. (2011) *Yazykovoi substandart: sotsiolingvisticheskie, lingvo-kul'turologicheskie i lingvopragmaticheskie aspekty interpretatsii:* dis. ... dokt. filol. nauk. [Language Substandard: the Sociolinguistic, Linguoculturological and Linguopragmatic Aspects of Interpretation] Nal'chik. (In Russian)

Novikov Vl. (2005) *Slovar' modnykh slov* [Dictionary of Buzz Words]. Moscow: Zebra E Publ. (In Russian)

Novikov Vl. (2008) *Novyi slovar' modnykh slov* [New Dictionary of Buzz Words]. Moscow: AST: Zebra E Publ. (In Russian)

Novikov Vl. (2016) *Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* [Dictionary of Buzz Words. The Linguistic Picture of Modernity]. Moscow: Slovari XXI veka Publ. (In Russian)

Orlov I. B. (2001) *«Novaya burzhuaziya» v sovetskoi satire 1920-kh godov* [The "New Bourgeoisie" in Soviet Satire of the 1920s]. In *Istoriya Rossii XIX–XX vekov: Novye istochniki ponimaniya* [A History of Russia of the 19th–20th Centuries: New Sources of Understanding]. Moscow: MONF Publ. Pp. 230–236. (In Russian)

Povalyaeva T. E. (2010) *Leksikograficheskay a interpretatsiya invektivnykh zoometafor v slovaryakh raznykh tipov* [Lexicographic Interpretation of Invective

Zoo Metaphors in Dictionaries of Different Types]. In S. A. Myznikov (ed.) *Sovremennaya russkaya leksikografiya: sb. statei* [Modern Russian Lexicography: a Collection of Articles]. St. Petersburg: Nauka Publ. Pp.189–197. (In Russian)

Reshetnikova E. (2014) *Pes'ya invektiva v «Iliade»* [The Canine Invective in "The Iliad"]. *Otechestvennye zapiski* 6. Available at: https://strana-oz.ru/2014/6/pesya-invektiva-v-iliade (accessed: 02.12.2022). (In Russian)

Semina O. Yu. (2008) *Vtorichnye znacheniya zoonimov russkogo i angliiskogo yazykov (na materiale natsional'nykh korpusov):* avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Secondary Meanings of Zoonyms of the Russian and English Languages (a Case Study of National Corps): an extended abstract of PhD philol. sci. diss.] Orel. (In Russian)

Solntseva N. V. (2004) *Sopostavitel'nyi analiz zoonimov russkogo, frantsuzskogo i nemetskogo yazykov v ehtnosemanticheskom aspekte:* avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [A Comparative Analysis of Zoonyms in the Russian, French and German Languages in the Ethnosemantic Aspect: an extended abstract of PhD philol. sci. diss.] Omsk. (In Russian)

Ustun'er I. (2004) *Zoomorfnaya metafora, kharakterizuyushchaya cheloveka, v russkom i turetskom yazykakh:* avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Zoomorphic Metaphor Characterizing a Person in Russian and Turkish: an extended abstract of PhD philol. sci. diss.] Ekaterinburg. (In Russian)

Zagidulina T. A. (2016) *«Stalinskie sokoly» – ornitologicheskaya metafora v aviatsionnom diskurse kak instrument konstruirovaniya politicheskogo mifa* [«Stalin›s Falcons», an Ornithological Metaphor in Aviation Discourse, as a Tool for Constructing a Political Myth]. *Politicheskaya lingvistika* 4 (58): 176–180. (In Russian)

Поступила в редакцию
05.05.2022